

СВЕТ НЕВЕЧЕРНИЙ

Рассказы

ЧЕРНЫЙ ОРДЕН

Орудийный раскат в горах похож на звук отскакивающего от стены гороха. Вот далеко за ущельем кто-то наотмашь бросил его, и рассыпались, раскатились горошины, гулко щелкая и ухая, пока их гул не потерялся совсем в роскошной, тревожно-выжидательной зеленке у подножия горных склонов, и сразу стало так тихо, что вся группа услышала, как косуля объедает фруктовое дерево. Косуля эта из сожженного еще зимой заказника, шалея от разрывов, набежала на людей, когда группа выходила из окружения, умело и быстро оставляя растяжки в исковерканном лесу перед самым носом русского спецназа. Они, украинские националисты, приехавшие воевать в Чечню за вольную Украину, поклялись на святом кресте — живыми не даваться. Приехали они сюда не потому, что горячо любили Чечню, нет, они Чечню ненавидели так же, как и Россию, даже куда больше — за ее иноверие, за гортанно-дикий, скребущий, как жесть, язык, оставивший в славянской крови страшную генетическую память о визге и обвальном грохоте конницы печенегов, о турках и всех басурманах, когтивших и рвущих родину на южных ее окраинах, за пренебрежение, за извечный обмер и обвес при бойкой плутовской продаже субтропических плодов, с которыми жители Кавказа по-хозяйски являлись на разноцветные базары Киевщины.

Они приехали бы сюда воевать на стороне кого угодно, хоть самых кровавых палачей, сатанинского полка опричников или каннибалов, содомитов, неслыханных извратов, джеков-потрошителей, красных кхмеров, дерьма собачьего, лишь бы это дерьмо воевало с Россией.

Никому из них в отдельности Россия ничего дурного не сделала. Все они в свое время, еще при Советском Союзе, проехали ее от края до края, обнимаясь то с сибиряками, то с камчадалами в поездах дальнего следования, выпивая море водки, все они любили друг друга и гордились собой и своим братством, хором рвякая под стук колес то «Реве та стогне», то «По диким степям Забайкалья», умильно обливая пьяными слезами ворсистые свитера северян, так же как и те в свою очередь лили слезы на их завлекательно вышитые сорочки-«антисемиточки», все они были одна родня, сыны единого генеалогического ствола. Однако, возвратясь домой, каждый из них свято помнил о долге перед родиной, угнетаемой кацапами и москалями, и тогда ненависть начинала бурлить и клокотать под украинской живописной рубашкой.

Все они были из Киева, вся чертова дюжина — тринадцать боевиков. В одинаковом камуфляже болотно-черной раскраски, в защитных очках, увешанные оружием, с рюкзаками, подсумками и планшетками, с мобильными телефонами и фотокарточками родных и близких в кармашках под сердцем, где не так давно каждый из них носил если уж не партбилет, то комсомольский обязательно. Почти как все вояки земного шара, с одной лишь малой, но значительной для них разницей: каждый из них носил особый отличительный знак — орден из серебра с изображением Божьей матери, в выразительном трауре, с ветвью черной полыни вместо младенца — память, мольба и клятва Чернобыля.

Отсутствие младенца на руках Богоматери означало повальную детскую смертность, женское бесплодие и мужскую немощь — исчезновение нации. Они хорошо знали, что тысячи русских городов и городишек, сел и деревень, особенно городишек в беспредельной зауральской тьмуторокани, не только не пользовались энергией Чернобыльской атомной станции, но и слыхом не слыхивали до аварии на ней, что такая станция где-то есть, а потому еще жестче ненавидели ту зауральскую планиду, не отравленную радиацией, не обнесенную колючей проволокой, не заключенную в страшный саркофаг. Ненавидели за отдаленность, за привилегию остаться чистенькой.

Командовал группой молодой румяный парубок Гриць. Увидишь такого где-нибудь на Корчеватовом, на танцплощадке или возле общежития, обсаженного пионами, и завистливо подумаешь о счастливце, которой придется разделить судьбу «гарного хлопца».

«Гарный хлопец» пленных не брал. Но и не расстреливал. Уже после перестройки, работая научным сотрудником в секретном институте по производству биологического оружия где-то в Африке, он привез ампулы с вирусом. «Гуляй, гуляй!» — улыбался он русскому пленному после прививки и даруя свободу, зная, как разгуляется чудо-вирус в человеческом организме, как сработает страшный недуг и приступит к своей попытке...

Гриць да́лек был от беды Чернобыля. В Чечню он прибыл по личному приглашению Хаттаба — испытать действие вируса на практике. Деньги, пятьдесят тысяч долларов, обещанные иорданским предводителем «коммандос», ему тоже были нужны. Гриць не скрывал, что собирается открыть филиал африканского института на родной батьковщине.

Самому старшему в группе, Ивану, скоро исполнялось пятьдесят. Парадокс Ивана состоял в том, что он когда-то благоговел перед Россией, изъяснялся всегда на чистейшем русском языке, прези́рая а́рго и украинизмы, знал Пушкина, Есенина, Блока и сам упоительно и легко писал о потопленной Запорожской Сечи, о казацких гульбищах и походах, заявляя, что после Гоголя и Чехова, и после него тоже, Ивана Доценко, уж никто больше так не опишет благоухающий степной простор.

Перед Москвой Иван свя́щенно трепетал, звон кремлевских курантов слушал со слезой и чуть не бил челом перед часовыми мавзолея. На родимый киевский Подол он ездил лишь за тем, чтобы крыть жи́дов черным матом. Однажды он приехал в Москву со своим романом поступать в Литературный институт. И творческий конкурс прошел, и экзамены сдал на пятерки, а вместо него зачислили какого-то якута, не знавшего ни бельмеса ни по-русски, ни по-якутски. Говорили, что о на́цкадре похлопотал сам классик Чукотки Юрий Рытхэу. Тут же перекроив окончание классика на русское бесшабашное, выручавшее во всех случаях жизни, Иван уехал из Москвы, напившись вдрызг и прощально заблевав перрон под сводами Киевского вокзала.

Он замкнулся и замолчал. Молча ходил во Владимирский собор на пышные богослужения, где в хоре певчих подрабатывали знакомые оперные певцы, перечитывал «Белую гвардию», с вкрадчивым и жутким придохом возглашал перед желторотой молодью литературных объединений на званых вечерах в библиотеке: «Шумит, гремит конец Киева...» И непрестанно, болезненно, в патологическом повторе думал: «А ваши чукчи что написали? Чем удивили мир? Тем, что съели сырьем одного белого медведя вместе с глистами?..» И вдруг просиял: дело вовсе не в чукчах и не в якутах, дело в самой России, которой для своей интеллектуальной элиты, главным образом московского племени, сильные и талантливые народы не нужны, потому что они своими талантами и самобытностью просто-напросто затмят и подомнут столичных графоманов, намертво присосавшихся к судкам ЦДЛ и толстым журналам, как, например, затмила и подмяла литература Латинской Америки современную литературу США. Да и нет никакой элиты, есть чердачно-подвальные изгои и сытая писательская мафия, которая «турсует своей заде», а пишут за нее переводчики с адыгейского или таджикского.

— Смерть! Смерть, мать его! Гильотина! — воззвал Иван прямо на Саксаганского, у знаменитого винного магазина, славно отпив горилки с перцем из граненой бутылки.

В перестройку он полыхал на Крещатике в голубых атласных шароварах и мерлушковой папахе, таская над собою желто-блакитный прапор, и громил с ордой таких же «запорожцев» лотки с русскими книгами. В еда́льне на Червоноармийской они хляпнули в лицо раздатчице тарелку с пельменями за то, что это пельмени, а не галушки. Возле памятника Шевченко отколошматили армянина, приняв его за еврея, который прокричал на митинге сынов вольной Украины, что нет никаких шевченков и «кобылянок», а есть одна Библия, и раскатали по центральному рынку мешки с картошкой у «дида» со значком ударника коммунистического труда, когда спросили у него: «Що у тэбэ?» — а тот ответил, что картошка, а не бульба.

Затем Иван стал прилежно посещать стрельбища на окраине Голосеевского леса под самой Феофанией, где киевские хлопцы лупили из мелкашек по чучелам, одетым в форму советского солдата. Позже гимнастерки на чучелах сменили на десантные куртки, а лупить стали из «Макарова».

Была в группе и баба — Гапка. Но все знали, что она не Гапка, а некая темная лошадка из Литвы, снайперша, с лисьим рыльцем и глазами, в которых всегда стыла пустота. Орден она тоже носила вместе с повязкой на голове, усеянной мелкой свастикой. Стреляла Гапка-литовка с поразительной меткостью, снимала какого-нибудь ротозея на позиции федералов, где сразу же взблескивала вспышка и в горах ухал взрыв.

— Дывысь! Що робят! Ось кацапы! — завивал Иван запорожский ус, радуясь пустому расходу российского боеприпаса.

Был в группе и Златослав. Прекрасной внешности, образованный, знаток Софокла и Сенеки, он измышлял сценарии казней, следуя повтору античных трагедий...

В начале октября группа заканчивала свою кровавую вахту в Чечне и отъезжала домой — в Киев. Перед отъездом по уговору с чеченскими боевиками ей предстояло совершить еще одно дело. Как в сказке — по выбору.

Где-то в горах у самой грузинской границы находился аул, где еще с первой чеченской войны жили в рабстве русские мать и сын. История их неволи была самая обыкновенная: сын, солдат российской армии, попал в плен, мать нашла его и приехала выручать в далекий аул. Но чеченцы без выкупа сына не отдали. Так и осталась она в горах вместе с ним.

Группу в аул привел грузинский проводник, в прошлом знатный чабан. Был вечер... Как прекрасны осенние вечера в горах! Сонно молчат леса на горных склонах, уже окрашенные в переливчатый золотистый цвет, лениво ползет по ущелью кизячный дым. Осторожно и печально звякнул козий бубенчик и сразу же смолк, будто прислушиваясь к тому, что не дано знать и слышать человеку. Может быть, это дыхание гор, жалоба камней в теснине, живущих тоже, но живущих вечно, не то что человек, коза... Бурлит, пенится, клокочет поток, пьяно пахнет осенней яблоней, сказочно уцелевшей от всего сгоревшего сада.

Гриць с двумя хлопцами без труда нашел дом, где держали русских рабов. Хозяйка, суровая, с решительным лицом чеченка, узнав, что это украинцы, сквозь зубы сказала, что ее муж ушел с боевиками, а она да сын, контуженный при русской бомбежке, ходят за скотом и огородом, сплошь засыпанным камнями от разбомбленной скалы. Если бы не русские мать с сыном, они бы вдвоем не справились.

Гриць, не церемонясь, потребовал от чеченки обоих, а взамен отдал ей косулю, которая преданно пришла за ними в аул. Чеченка согласилась и позвала русскую женщину и ее сына, таскающих с огорода камни.

Женщина была очень бледна, почти прозрачна, с тонкими чертами лица, сероглаза и еще молода, хоть и вся седая.

— Славяне! Вы славяне? — вскрикнула она и упала перед Грицем на колени, целуя его высоко зашнурованные ботинки, снятые с убитого русского десантника.

— Ребята! Милые! Родные! Как вы нашли нас? Откуда вы пришли?

Гриць с улыбкой велел ей подняться и спросил, почему она такая худая.

— Так хлеба нет уже давно. Есть нечего. Одна трава, — ответила женщина.

— Как нечего? Столько скота! — улыбаясь, удивился Гриць.

— Скот постоянно забирают боевики. Весь скот у них на учете. Не дай Бог потеряться хоть одной голове!..

— Так-так, — кивнул Гриць и сказал, что сына они берут с собой, а ее пока оставляют, чтоб немного поправились и прибавила в весе. Потом через неделю сын прилетит за ней из Гудермеса на вертолете.

Сын, черноглазый мальчик и тоже весь седой, испуганно выслушал Гриця и, глядя на его двух бойцов, вдруг смертельно побледнел и покрылся испариной.

— Да я пока... я подожду здесь, пока прилетит вертушка... вместе с мамой, — залепетал он.

— Як же так? — грозно спросил Гриць. — Ты военнослужащий российской армии! И обязан находиться у ее рядов! Швыдче у часть! Який номер твоей части? А? Усе бы мовчком робили!

— Да, конечно! Конечно, Витя! Иди с Богом! Я тут с Мадinou и Асланом пока останусь, подожду тебя, — также испуганно и торопливо заговорила мать. — Вон сколько времени жили, уж неделю-то проживу как-нибудь...

Витю увели. Наутро матери принесли жареной свинины с kindзой. Она горестно сокрушалась, что Мадина и Аслан не едят свинины, и съела все сама. Обедала она шашлыком и отбивными. Лоснясь от сытости, женщина спросила украинца, принесшего ей обед, что это за красивая награда у него на груди и за что он ее получил. Украинец ответил, что это черный орден, знак Чернобыля, и изображение на нем Божьей матери означает кончину человеческого рода, потому она и без младенца на руках.

— Абалакская Божья мать тоже без младенца на руках, но она означает защиту и ограждение, — заметила женщина.

— Я не знаю такой! — высокомерно ответил украинец и ушел.

Потом женщину перестали кормить, но ей уже и самой не хотелось есть. Она все смотрела в небо, стараясь увидеть вертолет, и холодела от страха, зная, что не увидит его...

Группа ушла. Тот же проводник-чабан привел ее к ущелью, за которым в седом тумане лежала Грузия. Далеко внизу, у подножия гор, виднелись крошечные бэтэры и пестрые солдатики. На этой стороне ущелья группу встретили бородастые чеченские боевики и выставили мешок из-под сахара, под завязку набитый американскими долларами. Потом объяснили, что пестрые солдатики внизу — российская погранзаства, что проводник остается здесь, и дальше украинцы пойдут одни, делая крюк влево и прячась в зеленке. Лесом они и пройдут в Грузию. На пути им встретится еще одна погранзаства, но это уже будут грузины и на группу они не обратят никакого внимания, потому что им хорошо заплачено. Тут же командир боевиков напомнил, что вооруженным на грузинскую территорию входить запрещено и федералов здесь нет, а потому надо сдать оружие. Украинцы послушно сложили в общую кучу автоматы и снайперские винтовки, и Гриць начал делить меж ними доллары. Чеченцы стояли в стороне, зная, что доллары фальшивые, лишь молча переглядывались друг с другом. Когда наконец Гриць разделил все деньги, они дружно крикнули: «Аллах акбар!» и в упор расстреляли всю группу. Затем, собрав у расстрелянных доллары и снова увязав их в мешок из-под сахара, двинулись ввысь по горам к золотисто-зеленому осеннему лесу...

В тот же день Мадина решила проверить, не оставили ли чего постояльцы, и пошла на задний двор. В каменном сарае под жаровней лежала грудой зола. Над жаровней кружились и гудели мухи. Гул ос и мух стоял и в дальнем углу сарая, где в полумраке что-то светилось и сильно, до рвоты, воняло животной гнилью.

«Свиньи они и есть свиньи, эти неверные. И вовек не очистятся от скверны, потому что сами едят свинью!» — закрывая нос концом платка и гадливо обходя жаровню, подумала Мадина, прошла в угол и внезапно остановилась, застыв от ужаса.

На каменной лавке, светясь оскалом зубов, лежала голова Вити. Черви жирной пеной шевелились в ее ушах и глазницах. Рядом с головой, тоже в червях и мухах, лежали отрубленные руки и ноги.

Мадина вышла из сарая и побежала по склону, пробираясь через лес к высокому сизому облаку. Она бежала, счастливо смеясь и танцуя, не зная, что сошла с ума, и лишь иногда останавливалась и, дрожа головой,